

УДК 340

**Ретроспективный анализ феномена труда в истории Западной Европы:
вопросы теоретического правоведения****Загрудинов А.Р.**Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье рассматривается проблема определения и понимания феномена труда в истории развития государств Западной Европы. Также дана характеристика развития труда как социально-правового понятия, моральной оценки трудовой деятельности со стороны различных социальных слоев, а также обозначена актуальная проблематика необходимости дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: Средние века, история права, труд, феодализм, социология.

Понятие труда находится в поле внимания и исследования различными отраслями гуманитарных наук, однако в ряде случаев, имеющиеся наработки недостаточны для нахождения ответа на возникающие вопросы. Очевидно, что в каждом историческом периоде времени понятие труда наполнялось различным содержанием и характеризовалось различным к нему субъективным отношением разных представителей общества. В этой связи имеющиеся определения трудовой деятельности требуют нового взгляда в свете рассмотрения роли и значения труда в жизни обществ прошлых веков.

К настоящему времени в науке истории средневекового государства и права зарубежных стран сложилась традиция изучения «труда» в связи с процессом формирования цеховых объединений либо изучения крестьянства, в свете генезиса сословных различий или же процесса закрепощения последних. Целый ряд вопросов, связанных с характеристикой трудового процесса как самостоятельного социального феномена и сопряженного с этим освещения вопросов о роли труда, субъектах трудовой деятельности и их отношения к своей деятельности не получают должного исследовательского внимания. Вместе с тем, при возникновении необходимости характеристики общественных отношений в сфере труда приходится столкнуться с целым рядом вопросов. Весь спектр возникающих вопросов можно свести к простой и максимально широкой формулировке «Что означало работать?». Одна-

ко, в рамках данного вопроса необходимо уяснить следующие моменты. Являлся ли труд социальным маркером низших слоев населения? Возможно ли свести трудовую деятельность только к физическому труду? Какова роль и оценка интеллектуального труда в рассматриваемый период? Как можно охарактеризовать деятельность высших сословий по отношению к суверену (понятие службы)?

Пытаясь ответить на эти вопросы, следует обратиться ко временам Древнего Рима. Задолго до падения империи римское гражданство перестает быть привязанным к какой-либо расе. В продолжении всей ее истории германские и (в еще большей степени) кельтские соседи, покоренные или присоединенные добровольно, по-видимому, ничего не имели против того, чтобы их поглотил Рим, и так или иначе подвергались ассимиляции. В итоге они мало чем отличались от коренных жителей греко-римского мира [1, с. 67]. Несмотря на то, что основу античной экономики составляли рабы, главную часть рабочей силы представляли юридически свободные люди – это малоземельные крестьяне, крестьяне-арендаторы, наемные рабочие. В свою очередь, поведенческим идеалом знати, которая в подавляющем большинстве своем жила в городах, был идеал праздности, из которого происходило присущее всей античности презрение к труду. К примеру, Платон пишет, что самым прекрасным городом был бы тот, где граждане жили бы за счет труда рабов, а по Аристотелю, рабы, крестьяне и тор-

говцы не смогли бы вести «счастливую» жизнь, так как они вынуждены ежедневно трудиться, то есть их жизнь не подчинена высоким нематериальным целям [2, с. 144-145]. При этом было бы ошибкой считать, что указанные идеи берут начало в каких-нибудь четко сформулированных теориях производительной деятельности. Здесь речь идет скорее об идеологии господствующего класса, которая, в том числе в целях сохранения за ней управленческих рычагов, защищает собственный образ жизни, считая именно такую жизнь необходимой для участия в культурной и политической жизни. Эта же причина во многом объясняет традиционное негативное отношение к торговой деятельности и чистой коммерции, наблюдающейся в западном обществе вплоть до Нового времени. В отличие от богатства, приобретенного в результате торговли, «нормальным» считалось богатство, нажитое на земле, потому что богатым человеком считался только тот, кто владел землей [2, с. 149]. В этой связи, возникает справедливый вопрос: всегда ли профессия торговца несет на себе негативный отпечаток? Ответ будет отрицательный, потому что знатный человек также мог заниматься торговлей как практически любой другой деятельностью и это будет общественно допустимое поведение. В этом случае он все так же, в первую очередь, останется знатным человеком и никогда не будет ассоциироваться с этой деятельностью. Тогда как представители низших общественных слоев, напротив, всегда смешивались с их профессиями, оставаясь в глазах высшего класса всего лишь батраком, торговцем и пр. При этом исследователи отмечают, что уже в это раннее время ремесленников отличало «классовое самосознание». На надгробных камнях археологи находят изображения покойного в его лавке или мастерской, его товаров и инструментов. Подобные изображения являются не просто указанием на профессию покойного как социального маркера, а скорее указанием на его богатство и капитал. И, указывая на особое самовосприятие слоя ремесленников, нужно отметить, что невозможно найти изображения, в частности на могильных плитах покойного, занимавшегося обработкой земли [2, с. 159].

В первые века Средневековья сохранялся значительный разрыв в уровне материальной культуры между романизированными и прочими регионами Западной Европы. Вместе с тем, античные традиции были достаточно сильны на территории бывшей Римской империи, где сохранились развитая агрокультура и города. Для сравнения, территория скандинавского севера, которая практически не знала римского влияния, не имела городов, а в хозяйстве преобладали скотоводство, различные промыслы и мотыжное земледелие [3, с. 554].

Несколько иная картина отношения к труду устанавливается в варварских королевствах – госу-

дарствах, созданных варварскими народами на территории Западной Римской империи в условиях ее распада в V в. Их характерной чертой, общей для всех раннесредневековых политических образований, была внутренняя нестабильность, проистекавшая из отсутствия в то время устоявшегося правила престолонаследия. Границы варварских королевств были также нестабильны, столицы часто меняли свои места расположения.

Для внутреннего устройства были характерны общинно-племенная организация в виде территориальной общины свободных землевладельцев, народные собрания и военные ополчения. При таком уровне социально-политического развития общинная верхушка на этапе Раннего Средневековья четко не противопоставляла себя трудящимся членам общины, разрабатывая сложные идеологические конструкции. Указанный период характеризуется переносом конструкций частного-правового характера на публичную сферу: понимание государства как собственности правителя, которая делится между наследниками после его смерти, специфический способ формирования административного аппарата из ближайшего окружения вождя, его дружины и пр. Возвышение роли частного права можно проиллюстрировать на примере первых кодификаций варварского права. Законы бургундов (502 г.) содержали 105 статей, из них лишь 6 являются нормами публичного права, Салическая правда (511 г.) только 8 из 78 статей. Для сравнения, римский Кодекс Феодосия (438 г.), состоящий из 16 книг, посвящает частному праву половину 8-й и целиком 9-ю книгу, отводя основное внимание публичному праву. Варварские правды в основном посвящены охране личного имущества, при этом наказанием за убийство являлся штраф, а кража в ряде случаев каралась смертью. Из этого видно, что в воинском по происхождению обществе, склонном к частым перемещениям, личная собственность наделялась первостепенным значением [2, с. 501]. К личному имуществу, естественным образом, относились и необходимые для выживания орудия труда, защита которых свидетельствует, по крайней мере, о понимании важности труда в жизни конкретного человека. Орудия труда и оружие были вполне себе капиталом: их берегли, передавали по наследству, воспринимали их как продолжение себя, окружая сложной символикой, давая им имена и пр. [3, с. 554].

Развал каролингской империи и последовавшие за этим раздоры привели к установлению нового феодального общественного устройства, которое характеризуется «оклеточиванием» всех социальных групп и сословий. Каждый индивид входит в определенную группу, а та, в свою очередь, в еще более широкую группу [4, с. 237]. Феодальное общество представляет собой такую организацию человеческой жизни, в которой отсутствует единое

государство, единое право и единая церковь. Жизнеспособность такого общества, прежде всего, обусловлена личными взаимоотношениями его участников, основанными на личной верности.

Несмотря на то, что ремесло возникло задолго до Средневековья, именно период Средних веков стал эпохой его расцвета. Ремесло являлось главной производственной основой средневекового города. Ремесленник, как и крестьянин, был мелким производителем, который имел орудия производства, самостоятельно вел основанное на личном труде хозяйство. Ремесленники-профессионалы соседствовали со всеми сословиями средневекового общества – сельские ремесленники имелись, как правило, в каждой деревне. В замке и монастыре ремесленники являлись обычно небольшой частью челяди или братии, в городах же они образовывали немалую (если не основную) долю членов коммуны [5, с. 35].

Объединение городских ремесленников в особые корпорации (цехи, ассоциации, гильдии) было обусловлено всей феодально-сословной структурой общества. Объединение ремесленников отдельных специальностей было необходимо для того, чтобы организовать и регулировать процесс производства ремесленных изделий и их продажу, бороться с сеньорами, а позднее, после свержения сеньориальной власти, с городским патрициатом, подавлявшими самостоятельность ремесленников, и в целях устранения конкуренции деревенского и иногороднего ремесла. При этом можно говорить, что в указанный период продолжали свою деятельность некоторые римские корпорации. Гильдии, получившие свое название из-за денежных сумм – *geld*, вносившихся в общий фонд, изначально представляли собой «маргинальные» объединения крестьян, ремесленников, а главным образом, торговцев. В основе создания конкретного объединения лежал ритуальный акт принесения клятвы перед другими членами гильдии [2, с. 511]. В связи с этим такая группа всегда представляла собой объединения на основе личных связей. Они были вполне способны диктовать всем прочим социальным группам свои экономические условия. Объединения торговцев, например, были просто необходимы, чтобы противостоять пиратам и защищать свои интересы в иностранных портах [2, с. 512].

Продолжающееся социальное расслоение, сопряженное с процессом формирования сословий, обуславливает формирование особых для каждого класса морально-этических взглядов. Господствующий класс, естественно, был далек от производственной деятельности и, поскольку она всецело возлагалась на плечи непривилегированных, низших слоев населения, смотрел на нее пренебрежительно. С точки зрения дворянства, благородными занятиями считались война, рыцарские подвиги и забавы, праздность [5, с. 236]. Например, в государствах на Пиренейском полуострове периодом реша-

ющего отстранения привилегированных горожан от производственной деятельности становится рубеж XIII-XIV вв. Именно с этого времени и законодательство, и сословная мораль считают труд (в первую очередь, ремесло и торговля) несовместимым с благородным статусом [3, с. 492].

Духовенство не разделяло этических принципов рыцарства. Позиция церкви в вопросе о моральной оценке труда была двойственной. С одной стороны, в необходимости для человека трудиться церковь видела следствие и проявление несовершенства его природы. Согласно теологическим традициям, пока Адам и Ева находились в раю, они были невинны и не заботились о пище. Грехопадение сопровождалось карою господней: в наказание Бог обрек род человеческий добывать себе хлеб в поте лица и выслал праотца из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят (Книга Бытия, 2,23). Эта библейская оценка труда как наказания вошла составной частью в этику христианского средневековья. С другой стороны, труд признавался в качестве необходимого занятия человека. В своей обыденной жизни люди не могут не трудиться. Учение средневекового христианства об обществе исходило из представления об органической его природе, о функциях, выполняемых разными его членами и частями для поддержания целого. В труде христианские теологи ценили, прежде всего, воспитательное средство. Жизнь человека представляет арену постоянной борьбы добра и зла, и любой вид человеческой деятельности должен был оцениваться в свете этого противоборства и выступал в определенном нравственном освещении. Праздность грозит пороками и загробной гибелью, труд же обуздывает плоть и вырабатывает самодисциплину и прилежание [6, с. 237]. Аналогично, лица, которые отказывались работать, вели разгульный образ жизни или занимались бродяжничеством, расценивались как потенциальные преступники и находились под пристальным вниманием власти и церкви [7, с. 64].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Трудовая деятельность как одна из основных сфер человеческой жизни в условиях развитой государственности средневекового типа рассматривается как одно из свойств непривилегированных слоев населения, что, в свою очередь, обуславливает усиление процессов социального расслоения по мере накопления, присвоения, захвата капитала добросовестными или недобросовестными способами. Этот процесс сопровождается усилением идеологического оправдания существующего строя – понимание общества как целого, разным частям которого предписывается осуществлять разные функции. Также стоит указать на необходимость дальнейших исследований трудовой деятельности с учетом ее поступательной дифференциации.

Литература:

1. Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры / Пер. с англ. и коммент. Н. Эппле. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 928 с.
2. История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия; под ред. П. Вейна / Поль Вейн, Питер Браун, Ивон Тебер, Мишель Руш, Эвелин Патлажан; пер. с франц. Т. Пятницыной (предисловие, введение, гл. 1 и 2) и Г. Беляевой (гл. 3, 4 и 5, библиография) под ред. В. Михайлина. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 800 с.
3. Карпов С.П. История Средних веков: В 2 т. Т.1: учеб. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. – 688 с.
4. Пастуро Мишель. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: Александрия, 2012. – 448 с.
5. Плешкова С.Л. К истории купеческого капитала во Франции в XV в.: Жак Кер и его деятельность. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. – 184 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
7. Степаненко Р.Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности: монография / Под ред. д-ра филос. наук., д-ра юрид. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2012. – 244 с.

A retrospective analysis of the phenomenon of labour in the history of Western Europe: theoretical issues of law

A.R. Zagrutdinov
University of Management «TISBI»

The paper deals with the problem of definition and understanding of the phenomenon of labour in the history of development of Western European states. The author characterizes the development of labour as a socio-legal notion and moral assessment of labour activities by various social layers. The topicality of further research is justified.

Key words: Middle Ages, the history of law, labour, Medieval studies, feudalism, sociology.

